

Философия

УДК 136.2:2(470)27--162.6:929*В. Соловьев

EDN: ZQMXGE

Образ зла в «Трех разговорах» В. Соловьева: библейский контекст

В.А. ОДИНОЧЕНКО

В статье рассмотрен библейский контекст образа зла в «Трех разговорах», которые являются последней работой крупнейшего русского философа Владимира Соловьева и рассматриваются как его духовное завещание. Соловьев делает акцент на показе зла как лжи, его способности маскироваться под добро. В своем концентрированном выражении зло представляется в «Краткой повести об Антихристе» заключительной части «Трех разговоров». В соответствии с Библией, в качестве источника зла назван Сатана. А механизмом его возникновения, согласно Соловьеву, является стремление к исключительно материальным благам и игнорирование христианских ценностей. В «Трех разговорах» Соловьевым показан лишь один их аспектов зла, выявление которого является актуальным в современных условиях.

Ключевые слова: В.С. Соловьев, трактовка зла, Библия, европейские культурные ценности, Антихрист, моральная иерархия.

The article examines the biblical context of the image of evil in «Three Conversations», which is the last work of the greatest Russian philosopher Vladimir Solovyov, and considers his spiritual testament. Solovyov emphasizes the depiction of evil as a lie, its ability to disguise itself as good. In its concentrated expression, evil is presented in the «Short Tale of the Antichrist» of the final part of «Three Conversations». In accordance with the Bible, Satan is named as the source of evil. And the mechanism of its emergence, according to Solovyov, is the desire for exclusively material benefits and ignoring Christian values. In «Three Conversations» Solovyov shows only one aspect of evil, the identification of which is relevant in modern conditions.

Keywords: V.S. Solovyov, interpretation of evil, Bible, European cultural values, Antichrist, moral hierarchy.

Следует подчеркнуть, что мы будем рассматривать именно образ зла. В отличие от понятия, он обладает наглядностью, может быть воспринят непосредственно и вызывает эмоциональную реакцию. Зло, переданное посредством образа, является выражением духовного опыта автора, оно переживается, и эти переживания рассчитаны на отклик читателя. Однако данное обстоятельство не исключает того, что образ зла, как и любой другой, может быть сложным для понимания, и тогда возникает необходимость анализа, пояснений и комментариев, которые нередко оформляются в виде объемных сочинений. Существует смысловой зазор между произведением и его восприятием, характер которого в значительной степени зависит от идейных установок автора, глубины предложенных им трактовок, а также значимости того культурного контекста, к которому апеллирует созданный образ. Несомненно, что трактовка зла у Соловьева в «Трех разговорах» основана на Библии и находится в контексте тех смыслов, которые заключены в этой Книге книг, однако, как у всякого значительного мыслителя, она является частью самостоятельно выработанного оригинального видения мира.

Полное название этой работы «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями». В наследии Соловьева она занимает особое место: «считается вершиной его религиозно-философского творчества, конечной точкой мировоззренческой эволюции, своего рода духовным завещанием, оставленным наступающему веку» [1, с. 51].

«Три разговора» имеют ярко выраженную пророческую направленность. В них Соловьев создает образ конца нашей истории. При этом он опирается на христианскую эсхатологию, изложенную в «Откровении Иоанна Богослова», однако дает ей свою собственную образную интерпретацию.

Нам следует учитывать, что В. Соловьев был не только крупнейшим русским философом, но также и поэтом, автором стихов мистического содержания. В искусстве ценится но-

визна и нетривиальность подходов к воспроизведению реальности. Поэтому образы могут иметь необычный характер и разрывать ткань привычного мировосприятия. Новое видение предлагается, как правило, через изменения формы образов, посредством которых передается реальность. Наиболее очевидным примером являются нереалистические направления в современном искусстве. В то же время образ представляет собой единство формы и содержания: того, что хотел сказать автор, и того, как он это сделал. Это требует от читателя (зрителя, слушателя) усилий уже на стадии восприятия. Сначала постигается форма образа, затем идет понимание того, что автор хотел посредством его сказать, и далее – как он это сделал. Так образ как бы вновь создается, но уже в сознании того, кто его воспринимает. Далее, как результат, происходит осмысление предложенной автором образной трактовки реальности. Это могут быть обсуждения, на уровне обыденного сознания, но также дискуссии, предполагающие наличие профессиональной подготовки. Чем более сложным является образ, тем больше имеется возможностей для его интерпретации. Так, упрощенные и поэтому понятные образы зла предлагаются в литературе дидактического характера. Как правило, они рассчитаны на детей, но для взрослого человека имеют незначительную эстетическую ценность. В этом случае отсутствует и сила морального воздействия, поскольку мы понимаем, что мир сложен и необходимы усилия для ориентации в нем. В произведениях искусства мы ценим созвучие своим нравственным проблемам и углубленную их трактовку.

Опыт зла человек обладает уже на обыденном уровне. Он воспринимает как зло все то, что препятствует осуществлению его сущности. Это могут быть самые разнообразные явления. Как пример, приведем стихотворение В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?». В нем перечисление начинается с «Если ветер крыши рвет, если град загрохал, – каждый знает – это вот для прогулок плохо» [2, с. 200]. Далее идут уже нравственные проявления зла: «Этот в грязь полез и рад, что грязна рубаха. Про такого говорят: он плохой, неряха» [2, с. 202–203].

Данное стихотворение написано для детей и направлено прежде всего на выполнение воспитательной функции. Однако и для взрослого человека оно может послужить поводом, чтобы задуматься о том, «что такое плохо». Глубина «плохого» и разнообразие его проявлений раскрывается в философских, художественных и религиозных произведениях, которые являются выражением определенного способа видения мира.

Для понимания произведений искусства большее значение имеет учет культурного контекста их создания. Образы зла, во-первых, определяются установками, актуальными для наличной ситуации. Например, для нас слово «фашизм» имеет однозначно негативное значение, и нравственное возмущение вызывают любые попытки его реабилитации. Во-вторых, они опираются на фундаментальные смыслы, присущие той или иной культуре и зафиксированные в текстах, имеющих статус сакральных. Мы руководствуемся системой ценностей, первоначально выработанной в рамках христианства. С его возникновением произошел перелом в мировосприятии, и, в частности, в понимании зла. Соловьев – религиозный философ, и при создании образа зла он использует библейские сюжеты.

«Три разговора» писались на рубеже двух столетий, в 1899 – начале 1900 гг. В это время были распространены предчувствия апокалиптического характера. Как пример, приведем строчки А. Блока: «Двадцатый век... Ещё бездомней, Ещё страшнее жизни мгла (Ещё чернее и огромней Тень Люциферова крыла)» [3, с. 277]. Соотнося ситуацию начала XX в. с нашей, нельзя не обратить внимание на их отличия. Мы прошли через смену не только столетий, но также и тысячелетий. Однако сам по себе хронологический факт 2000 г. не имел для нас значения перелома в культуре и не вызвал никаких предчувствий: ни грядущих катастроф, ни неизбежного наступления «светлого будущего», каким бы оно не представлялось. В глобальном масштабе значение придается двум датам. Это, во-первых, 1989 г., связанный с разрушением Берлинской стены, образованием единой Европы и концом противостояния двух мировых систем: капитализма и социализма. Вторая дата – это 11 сентября 2001 г., когда был совершен теракт в США. Она ознаменовала начало нового противостояния, уже с терроризмом, который теперь воспринимается как одно из основных воплощений зла.

Для нас же решающее значение имеет 1991 г., когда произошел распад Советского Союза и на его месте образовался ряд независимых государств, в том числе и Республика Беларусь. Одним из элементов происходящих изменений является налаживание религиозной жизни в нашей стране. Христианские идеи и образы формируют специфическое видение добра и зла и проблему их соотношения.

В современной Беларуси общественное сознание имеет переломный характер, в том числе и при восприятии зла. Марксизм, установки которого оказывали решающее значение на сознание советского общества, исходит из его социальной трактовки. Утверждается, что носителями зла в силу своих объективных интересов являются эксплуататорские классы. Его преодоление связывается с осуществлением революционных преобразований в обществе, в результате которых исчезнут противоречия антагонистического характера и возникнут условия для осуществления подлинной свободы человека. Несмотря на то, что коммунистическая идеология в современном белорусском обществе перестала быть официальной и подвергается интенсивной критике, марксистская трактовка зла не утратила своей привлекательности и определенной степени истинности. Несомненно, что зло имеет социальное измерение и связано с несправедливостью, бедностью, беззаконием и т. д. Задача развития общества может быть сформирована как преодоление этих явлений и тем самым уменьшение количества зла.

Сейчас популярность приобретает антропологическая трактовка зла, которая исходит из того, что оно находится в человеке. Тогда его преодоление связано с отказом от эгоизма и устремленностью к высшим моральным ценностям посредством свободного выбора. Проблема, на наш взгляд, заключается в обосновании того, почему человек должен выбирать именно добро.

Фундаментальный характер имеет онтологическая трактовка зла, согласно которой оно является частью реальности. В этом случае встает проблема его источника: либо оно изначально присуще миру, либо является результатом искажения первоначального порядка.

Как правило, зло в нашей культуре имеет соотносимый характер, это «ценностное представление, противоположное добру (благу)» [4, с. 47]. В свою очередь, добро это «ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некому стандарту или сам этот стандарт» [5, с. 675].

Добро и зло трактуются как пара противоположностей, структурирующих мир. Они соотносятся с образами верха и низа и их используют в основном для характеристики поведения человека. В отличие от животных, которые подчиняются естественному порядку вещей, он может возвыситься, стремясь к добру, и пасть, подчиняясь злу. В религии верх и низ выражены в образах неба и преисподней.

Однако эта наглядность не должна приводить к упрощениям. Путь добра и путь зла не равноправны. Их соотношение имеет сложный и многомерный характер. Согласно нашей культуре, добро, во-первых, первично, во-вторых, для его достижения необходимы усилия, например, человек должен ежедневно преодолевать свои слабости и недостатки. Но зло также не сводится к простому отсутствию добра, оно имеет собственное содержание. В религии зло воплощено в образах Сатаны, Иблиса, Аримана, Сета и т. д.

В современном белорусском обществе при восприятии религии основное внимание уделяется ее моральному аспекту. Считается, что она должна оказывать воспитательное воздействие, прежде всего, на подрастающее поколение. Но этого можно ожидать только от тех религий, где есть более-менее четкое разделение добра и зла и их противопоставление в аксиологическом аспекте. В религиях, основанных на приписывании сверхъестественных качеств природным явлениям, которые обозначаются как «язычество», отсутствует ценностное неприятие зла. Например, древнегреческие боги совершали аморальные и жестокие поступки, и это считалось нормальным. Достаточно вспомнить убийство детей Ниобы Аполлоном и Артемидой. Причина в том, что природе присуща естественная жестокость, причем только человек воспринимает ее в качестве таковой.

Есть религии, исходящие из того, что добро и зло являются равноправными началами. Как пример, обычно приводят манихейство, согласно которому в мире существуют две противоположные и не связанные между собой силы, являющиеся воплощением добра и зла: Свет и Мрак.

Христианская картина мира имеет иную структуру. Одной из ее особенностей является ярко выраженная асимметрия добра и зла. Бог создал все «хорошо весьма» (Быт. 1, 31). Зло же появилось как результат отпадения от извечного порядка. Один из высших ангелов возгордился, возомнил себя подобным Богу и был низвержен: «Как упал ты с неба, Денница, сын зари! Разбился о землю, попирающий народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14, 12–15). Также и зло в человеке – результат грехопадения, инициатором которого является Сатана.

В то же время зло, согласно христианству, не просто недостаток или ущербность добра, но имеет собственную силу и притягательность. Поэтому человеку тяжело противостоять ему, и необходима помощь Бога. Соловьев в «Трех разговорах» исходит из следующего положения: «Во всяком случае несомненно, что то антихристианство, которое по библейскому воззрению – и ветхозаветному, и новозаветному – обозначает собой последний акт исторической трагедии, что оно будет не простое неверие, или отрицание христианства, или материализм и тому подобное, а что это будет религиозное самозванство, когда имя Христово присвоят себе такие силы в человечестве, которые на деле и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его» [6, с. 707–708].

Следует учитывать, что понимание зла имеет не отвлеченный характер, как понимают, например, законы физики. Здесь необходим собственный опыт, с которым мы соотносим образы зла, предлагаемые искусством, или его философские трактовки. Процесс постижения зла не имеет характера простого восприятия наличной ситуации. Его необходимо распознать.

В этой связи приведем высказывание нашего выдающегося современника, митрополита Филарета (Вахромеева), человека, обладавшего глубоким духовным опытом: «Когда мы, христиане, обращаемся к проблеме зла, то оказываемся в парадоксальной ситуации. Ведь для того, чтобы понять, что такое зло, мы должны хотя бы умственно приобщиться злу. Но Св. Писание говорит нам обратное: отвращайтесь зла (Рим. 12:9). А с другой стороны, как мы можем отвращаться от зла, если не знаем, от чего нужно отвращаться? Как мы можем стремиться к добру, если не знаем, чем оно отличается от зла» [7].

Разрешение этого парадокса, на наш взгляд, заключается в осознание того факта, что зло существует не только во внешнем мире, но и в самом человеке. Тогда приобретается опыт, описанный апостолом Павлом: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7, 19–20). Зачастую человек понимает, что он делает зло, и нанесет вред, в том числе и самому себе, но все равно это делает.

Искусство расширяет и формирует опыт распознавания зла и тем самым помогает человеку от него отвращаться. В этом смысле произведения русской литературы XIX в. имеют для нас огромную ценность. В них показаны разнообразные проявления зла: от колоритных у Гоголя до обыденных и даже каких-то скучных у Чехова. «Три разговора» – одно из таких произведений.

Образ зла выражен прежде всего в его заключительной части, которая имеет название «Краткая повесть об антихристе». Для нас значимо то, что повествование в ней ведется от имени монаха Пансофия. Он выходец из русских поповичей, учился в академии. Таким образом, хотя содержание «Повести» близко Соловьеву, но это не его прямая речь. Утверждается, что под формой вымысла сочинение дает «все то, что по Священному Писанию, церковному преданию и здравому разуму можно сказать наиболее вероятного об этом предмете» [6, с. 735]. Однако в контексте всего произведения «Краткая повесть об Антихристе» – только одна из точек зрения.

Она больше апеллирует к рассудку, чем к воображению. Поэтому активность читателя в воссоздании образа зла невелика, он должен следовать за рассуждениями автора. Безусловно, как писатель Соловьев уступает большинству русских классиков XIX в. Кроме того, тексту «Краткой повести об антихристе» присуща несогласованность. Отмечается, что ее «части не вполне логично связаны друг с другом, между ними заметен грубый “стык”» [1, с. 16]. Однако при всех очевидных художественных огрехах «Повести», важна сама трактовка зла, данная Соловьевым в образной форме.

В предисловии к «Трем разговорам» вопрос ставится следующим образом: «есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собою исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия?» [6, с. 636].

Ответ Соловьева таков: «Зло действительно существует, и оно выражается не в одном отсутствии добра, а в положительном сопротивлении и перевесе низших качеств над высшими во всех областях бытия. Есть зло индивидуальное – оно выражается в том, что низшая сторона человека, скотские и зверские страсти противятся лучшим стремлениям души и *осиливают их* в огромном большинстве людей. Есть зло общественное – оно в том, что людская толпа, индивидуально поработанная злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей и одолевает их; есть, наконец, зло физическое в человеке – в том, что низшие ма-

териальные элементы его тела сопротивляются живой и светлой силе, связывающей их в прекрасную форму организма, сопротивляются и расторгают эту форму, уничтожая реальную подкладку всего высшего» [6, с. 727].

Отметим, что эти рассуждения основаны на наглядной схеме верха и низа, что не должны вводить в заблуждение и создавать образ зла как чего-то отталкивающего и малоценного. Зло имеет свою эстетическую притягательность, что воплощено не только в искусстве, но, к сожалению, и в реальном поведении людей. Также мы имеем опыт иррациональности зла: зачастую непонятны его мотивы и цели. Кроме того, при здравом рассуждении очевидно, что люди его совершающие, вредят сами себе.

«Три разговора» основаны на рассудочных схемах. Это привело к очень сильному упрощению и схематизму предлагаемого в них образа зла. Именно отсюда его понятность.

Поэтому нет проблем с пересказом содержания «Краткой повести об антихристе». Описываются обстоятельства XXI в., т. е. того времени, в котором мы живем, когда после бурных событий XX в., который был «эпохой последних великих войн, междоусобий и переворотов» [6, с. 736], возникают европейские соединенные штаты, состоящие из более или менее демократических государств. Имеются явные успехи внешней культуры, а духовные вопросы остаются без разрешения. Ширится секуляризация. Большинство мыслящих людей становятся неверующими, но немногие верующие все по «необходимости становятся и *мыслящими*, исполняя предписание апостола: будьте младенцами по сердцу, но не по уму» [6, с. 740].

Далее описывается «один замечательный человек – многие называли его Сверхчеловеком. Он был еще юн, но благодаря своей высокой гениальности к тридцати трем годам широко прославился как великий мыслитель, писатель и общественный деятель» [6, с. 740]. Этот человек в силу своих дарований ясно понимал, «во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он *верил*, но *любил* он только *одного себя*. Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно предпочитал Ему себя» [6, с. 740].

Поэтому он начинает противопоставлять себя Христу, который, по его мнению, был его предтечей. Рассуждения строятся следующим образом: «Христос, проповедуя и в жизни своей проявляя нравственное добро, был *исправителем* человечества, я же призван быть *благодетелем* этого отчасти исправленного, отчасти неисправимого человечества. Я дам всем людям все, что нужно. Христос, как моралист, разделял людей добром и злом, я соединю их благами, которые одинаково нужны и добрым, и злым... последним судьей буду я, и суд мой будет не судом правды только, а судом милости. Будет и правда в моем суде, но не правда воздаятельная, а правда распределительная. Я всех различу и каждому дам то, что ему нужно» [6, с. 741].

Данные рассуждения имеют ключевое значение для понимания того, как в «Трех разговорах» трактуется зло. Его источником, в соответствии с Библией, является Сатана, а механизм осуществления, и это уже трактовка Соловьева, состоит в устремленности исключительно к внешнему благополучию и игнорировании христианских ценностей.

Противопоставив себя Христу, этот выдающийся человек получает помощь Сатаны и пишет сочинение под названием «Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию», в котором примиряются все противоречия. Оно переводится на множество языков, получает всеобщую поддержку как откровение абсолютной истины. В результате его автора избирают императором, он проводит реформы, установившие «равенство всеобщей сытости» [6, с. 747].

Однако его беспокоит отсутствие безусловной поддержки со стороны христиан, и он предлагает им свое покровительство и всяческие блага, прося взамен, чтобы они признали его своим «истинным вождем». Большинство на это соглашается, однако выделяются три группы православных, католиков и протестантов, которые не поддаются на соблазн. Они требуют, чтобы император исповедовал Христа, что он сделать не может, это приводит к его распознаванию как Антихриста, гонениям на христиан, временному торжеству сил зла, их конечному уничтожению и Второму пришествию Христа.

Приведенный пересказ является крайне схематичным и поверхностным, но, на наш взгляд, он не только адекватно передает содержание «Краткой повести об антихристе», но и соответствует ее характеру.

Однако здесь следует сделать уточнение. Если мы сопоставим «Повесть» с Библией, то результат будет не в пользу Соловьева. Но также это произойдет с любым произведением литературы, даже самым гениальным. Мы же говорим о библейском контексте в котором написаны «Три разговора», т. е. понимании источника зла, его природы, проявлений, воздействия на человека, способов противостояния и преодоления.

Соловьев писал, что стремился в своей работе прояснить христианское учение: «Моя задача здесь скорее апологетическая и полемическая: я хотел, насколько мог, ярко выставить связанные с вопросом о зле жизненные стороны христианской истины, на которые с разных сторон напускается туман, особенно в последнее время» [6, с. 636].

В «Трех разговорах» происходит разоблачение зла. Оно рассматривается как ложь и имитация добра. Это соответствует образу Антихриста, данному в Библии: «день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес. 2, 3–4).

Вывод, который делается неким господином Z, позиция которого, если ее сравнивать с позициями других участников диалогов, приведенных в «Трех разговорах», наиболее близка Соловьеву: «я беру назад свои прежние слова, что “антихриста на одних пословицах не объяснишь”. Он весь объясняется одною, и притом чрезвычайно простоватою, пословицей: *Не все то золото, что блестит*. Блеска ведь у этого поддельного добра – хоть отбавляй, ну а существенной силы – никакой» [6, с. 761].

То, что приведенная пословица является «простоватою», очевидно. Но эта природа пословиц. В простой форме они выражают важные для жизни истины. Но утверждение, что поддельное добро не имеет силы, опровергается нашим опытом XX в. В качестве примера мы можем привести учения нацизма и коммунизма. Их ложность сейчас очевидна. Однако они стали официальными идеологиями, увлекли миллионы людей, и во имя их были совершены чудовищные преступления. И нужно было то основание, опираясь на которое, зло могло быть опознано. История христианства XX в. полно показательными случаями сопротивления ложным идеологиям.

В «Трех разговорах» был создан убедительный образ зла. Актуальность этого произведения сейчас обусловлена необходимостью не столько прояснения христианской истины, к чему стремился Соловьев, сколько разоблачения зла, принимающего облик добра.

Литература

1. Евлампиев, И. И. Загадка «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва / И. И. Евлампиев // Соловьёвские исследования. – 2010. – Вып. 3 (27). – С. 12–30.
2. Маяковский, В. В. Что такое хорошо и что такое плохо? / В. В. Маяковский // Собр. соч. в 12 т. – М. : Изд-во Правда, 1978. – Т. 6. – С. 200–203.
3. Блок, А. Возмездие / А. Блок // Собр. соч. : в 6-ти т. – Л. : Худ. лит-ра, 1980. – Т. 2. – С. 270–312.
4. Скрипник, А. П. Зло / А. П. Скрипник // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд ; науч.-ред. совет: предс. В. С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – Т. II. – С. 47–48.
5. Апресян, Р. Г. Добро / Р. Г. Апресян // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд ; науч.-ред. совет: предс. В. С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – Т. I. – С. 675–677.
6. Соловьёв, В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об антихристе и с приложениями / В. С. Соловьёв // Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 635–762.
7. Филарет Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Проблема зла в православном богословии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://exarchate.by/resource/Dir0000/Dir0001/Page0471.html>. – Дата доступа : 25.07.2023.